

НАКАНУНЕ

Территория «В»

Невыдуманные истории о Галине Волчек

19 декабря знаменитая российская актриса, театральная режиссер, народная артистка СССР (1989), старожил «Современника» Галина Волчек празднует круглую дату. Ей исполняется 70 лет. Мы поздравляем Галину Борисовну и публикуем отрывок из книги Марины Райкиной «Галина Волчек: как правило вне правил», которая выйдет на днях в издательстве «Новое Литературное Обозрение».

Когда же мы познакомились? – думаю я, глядя на эту странную женщину, странность которой чем дальше, тем больше становится необъяснимой для меня. В профиль, когда я наблюдаю ее со стороны, или в анфас, общаясь глаза в глаза, – она озадачивает меня своей простой и ясной исключительностью.

Мы познакомились... в прошлом веке. Мне шестнадцать, и в начале семидесятых каким-то случайным ветром меня занесло в театр на Чистые пруды. Шел спектакль «Двое на качелях», и на программке было написано – режиссер Волчек.

– Мужчина, – с умным видом сказал мой приятель – большой спец в области рок-музыки, но не театрал, и мы уехали на последний ряд, собираясь занять-

В театре ее зовут просто Волчихой или Волчицею, хотя ничего общего с этим зверем она не имеет

ся там тем же, чем в кино на последнем сеансе. С третьим звонком ушел свет, рука приятеля привычно легла на плечо и...

Что случилось в тот вечер? Эмоциональная память – самая сильная и единственная, способная насковозь пробить время, – раз и навсегда зафиксировала ошеломление от увиденного в неокрепшем подростковом сознании. На сцене вроде бы ничего не происходило – мужчина и женщина говорили без конца, выясняли отношения, встречались и разбегались. Чужая жизнь затягивала, как трагедия, с той только разницей, что вырваться из ее «смертельных» объятий и вернуться в 1975 год, на Чистые пруды, в серо-стандартный зал с вытертыми креслами совсем не хотелось.

В финале, как потом смеялся рассказывал мой приятель, я вскочила с места и в повисшей, как топор, напряженной тишине славенным голосом крикнула герою: «Не уход!» Самое интересное, что рядом сидевшие люди нисколько не удивились такой выходке, потому что печально закончившейся на их глазах историей оказались пригвождены к своим креслам.

Таким был первый шок от Волчек, о которой я ничего не знала. Я не знала, что за границей ее часто пугали с Симоной Синьоре, что она курит крепкие сигареты и не стесняется крепких выражений. Что – потрясающая характерная актриса, с которой сама же, став режиссером, жестоко обойдется. Впрочем, и она не догадывается об этом, как и о том, что через несколько лет расскажет мне, как в тесной ванной репетировала «Двое на качелях» – свой первый успешный спектакль. И именно на нем она интуитивно использовала приемы, которые войдут в хрестоматию по режиссуре. А артист Михаил Казаков, игравший в спектакле главную роль, дополнит ее рассказ своим – как «Двое на качелях» влипли в историю с ОБХСС.

Я вообще ничего тогда не знала. Что официально ее фамилию произносят то Волчек, то Волчек. А в театре зовут просто Волчихой или Волчицею, хотя ничего общего с этим зверем она не имеет. Разве что изредка испытывает желание выть от бессилия, когда никто не видит. Не знала, что при всей ее общественной значимости она останется наивной, как маленькая девочка с пухлыми губами, которые не умеет поджигать от обиды. И что когда достигнет солидного положения, будет многих обескураживать своими житейскими проявлени-

1939 год. Конец мая – начало июня. Москва. Полянка

Солнцем залитый дворик и от синевы, разлитой в воздухе, чувство оголоделого счастья. Счастье это резиниво и упруго на ощупь и по цвету ярко-красное с белым. Счастье – мяч в руках толстой девочки – мечта окруживших ее подружек.

– Галь, дай подержать.
– Галь, а я тебе за это заколку дам.
– Галь, а Галь...
Она держит паузу – на вершине блаженства слов не быва-

ет. Но с вершины она достаточно быстро летит вниз, как только из подъезда выходит девочка с точно таким же мячом в обнимку. И в точно таком же красном пальто и шапочке, как она. Дворовая общность полностью перекладывается на Красную шапочку-2.

– Наташ, а Наташ...
Когда-то Галина Борисовна была просто Галей – дочерью известного оператора Бориса Волчека родом из Витебска и домохозяйки с двумя высшими образованиями Веры Майминой, родившейся в семье скромнейшего служащего пожарной охраны в Даугавпилсе. Гале всегда хотелось быть похожей на отца – такой же доброй, мягкой, деликатной. Собственно, по дворовым меркам она и была доброй, то есть нежадной. Во всяком случае, долго уговаривать ее поделиться игрушками, которые однажды отец привез ей из Польши, было не надо. Ее мягкие манеры, так свойственные полным детям, очень часто внушали такую иллюзию окружающим.

Лишь время проявит в ней материнскую черту, которую Гали так боялась и ненавидела, – жесткость. Впрочем, до обнаружения в себе твердости тогда, в 1939 году, было еще очень далеко. Детство было безоблачным и протекало во дворе элитного дома на Полянке, только что отстроенного для лучших людей отечественного кинематографа. Здесь жили Дзига Вертов, Юлий Райзман, Роман Кармен, Александр Птушко, Ада Войчек, семейства Ромма и Волчека.

Пионеры советского кинематографа, в том числе и Борис Волчек, оставили летопись времени – дымили заводы, мчались поезда. Красивые девушки с физкультурницами выстраивали из своих молодых тел пирамиды на параде. Всех – и этих белокурых молодых, и тех, над ними, на Мавзоле, утро встречало прохладой, о чем они с энтузиазмом и распевали из всех радиоточек. А что оставалось кинематографу? Фиксировать на пленку процесс всеобщего «ура-а-а».

Талантливый оператор Борис Волчек и его режиссер Михаил Ромм занимались не только этим. В Польше они сняли картину «Мечта» – драму из буржуазной жизни, названную, и не без оснований, великой. Правда, невеликие тогда Ростислав Плятт и Фаина Раневская талантливо представляли на экране нечеловеческие ценности мира чистогана. Актерские образы. Операторский стиль. Игра света и тени. Режиссерский почерк – все это спустя много лет станет профессиональным языком Галины Волчек. Но тогда ее совершенно не волновали судьба извозчика и то, как бесчеловечно обойдется с ним квартирная хозяйка. Ее занимал только красивый с белым горохом мяч, который привез отец из той польской поездки.

– Галь, а я тебе за это заколку дам...
Она держит паузу – на вершине блаженства слова ни к чему. Но детское нытье разрезают металлические нотки голоса матери из окна:
– Гал-ля!
Она до сих пор их настолько ясно слышит, что я отчетливо представляю, как маленькая девочка в красном пальтишке и чулках в резинку, чуть сползших на красные ботинки, тормозит свой счастливый прогреб по двору элитного дома.
Галина Волчек:
– Я всегда боялась матери. Так, в эвакуации в Алма-Ате, во время войны, когда все ребята ходили воровать яблоки, я играла у подъезда в классики. А мама

Сызмалства Галина сама придумывала сценарии своей жизни.

всегда с гордостью показывала на меня своим подругам и говорила: «Стоит мне только сказать «Гал-ля» – и она уже дома». Этот страх перед матерью дал мне по-тому все мои комплексы и заставил наделать массу глупостей.

Жесткость в характере ей все-таки от матери досталась, и она проявлялась где угодно, только не в воспитании ее единственного сына Дениса.

Зато именно на Урале она впервые столкнулась с незнакомым доселе миром фанатов. Ее бабушка Роза пыталась привить столичной внучке любовь к жанру, где изобилие женских ножек, легкомысленных кушетов и обходительных манер делало суровую действительность военного времени приятней, чем она есть.

Роза Борисовна была личностью знаменитой в городе, что-то вроде лидера андеграунда: она возглавляла движение сыров местной оперетты. Девочка рядом с ней проходила школу театральной интриги: в дом стекалась вся закулисная информация, и Гали не успевала ориентироваться в именах и заслугах опереточных теноров и сопрано.

– Как, Каринтели не посмотрел в первый ряд? Ну мы ему устроим!

– Цветов у Викс было больше? Так, срочно организовать три букета!
– Собирайте копейки, мы ей устроим звон!

Кому, что и за что устроит медный обвал, Гали не догадывалась, но была свидетелем бурной опереточной войны между сырами разных премьеров и премьерш. Они жили своей особой жизнью, и казалось, что настоящая, не театральная война, в которую погрузилась страна, их не касалась.

Девочка была в восторге от красивой опереточной жизни – графы, перья в шляпках, эlegantные тети. Но их долгие пение про любовь, называемое бабкой ариями и дуэтами, вызывает у внучки зевоту. Не ис-

ключено, этот незначительный опереточный эпизод расставит существенные акценты в ее взрослой жизни: Волчек полюбит красоту вокруг себя и на сцену, где в любви совсем не сможет выносить невразумительных длиннот и пауз.
Галина Волчек:
– Меня до сих пор потрясает одна история из того времени. Отец проездом на три часа заехал в Свердловск. Дед расспрашивал его о войне, переживал. А я видела, что бабка моя просто не в себе – нервно трясет ногой, то и дело вскакивает с места, садится опять, не выдерживает, наконец: «Все, сейчас начинается выходная ария Сильвы», – почти что кричит она, хватая с вешалки пальто и исчезает за дверью. То, что дед пришел с работы и его надо кормить, зять захал на три часа и, может быть, погибнет на

войне, – все это оставалось за пределами ее сознания. Ни одна затмив опереточное искусство, легко и красиво разрабатывающее матримониальные проблемы представителей высшего света.

Волчек – мастер рассказывать истории, образность которых доведена до кинематографической точности. Почему она не снимает кино – я не понимаю. Во всяком случае, этот эпизод составил бы честь любому биографическому фильму.

1942 год. Свердловск
Портфель, подогретый сентябрьским солнцем, не кажется тяжелым, хотя тянет к земле. Непереводимая на слова гордость распирает маленькую Галию от причастности к серьезной жизни – она пошла в 1-й класс. А вернее, первый раз возвращается из школы домой. Лишь одно портит настроение уверенной первоклассницы – ей ужасно хочется... писать, а до дома идти два квартала. «Я уже взрослая, с портфелем», – твердит она себе по дороге и отводит глаза от кустов.

Она часто рассказывает вещи, которые приняла скрывать, чтобы сохранить чистоту когда-то сочиненной легенды. Похоже, что легенд она не признает, но при этом степень своей открытости контролирует полностью.

Галина Волчек:
– Я отводила глаза от кустов, где с удовольствием присела бы еще месяц назад, таким образом решив ничтожную проблему. Решила, что лучше я незаметно в штаны по дороге буду писать. По чуть-чуть. Когда я пришла домой, все чулки в резинку с внутренней стороны были мокрые.

Несмотря на то что Галия в детстве смертельно боялась матери, сопротивление материала жесткой педагогике прорезалось все чаще и чаще. Однажды, когда дома никого не было, она достала из шкафа заветные бабкины штаны – розовые с начесом, присланные из неизвестной Америки как гуманитарная помощь русским. Она всегда обмирала от этого образца мануфактурного производства. Поэтому, не долго думая, взяла ножницы и вырезала ластовицу, куда и просунулась счастливая рожица с припухшими губами и толстым носом. Руки быстро вдела в штанины, как в рукава, и посмотрела на обнову – очаровательная кофточка готова. Ее она украсила старательно вышитым вензелем из букв ГВ – Галия Волчек. Когда бабушка увидела результат творчества своей внучки, она схватилась за сердце. А мать от страха за бабку и от первого звонка своевольной дочери просто начала кричать. Но что такое родительская истерика по сравнению с первым творческим экстазом?

Может быть, Вера Исаковна перешла бы на лирическую часть в своей педагогической поэме, если бы обладала даром предвидения и увидела, что спустя много лет будет работать под началом своей забитой дочери. Впрочем, и там, в тесной комнатке каски, она оставалась верна себе и демонстрировала твердость характера...
Галина Волчек:
– А через много-много лет я поехала в Болгарию на кинофестиваль, там было несколько актрис и один известный режиссер. И вот красивый зал. Проектора. Нас вызывают на сцену. Мы идем все красиво одетые. И вдруг мой взгляд упал на штанину режиссера – она была мокрой. Пьющий был человек, но талантливый. Вспомнила себя в детстве в самый неподходящий момент.

Вообще отношения с матерью у нее были всегда непростые. Если отцу, который для нее навсегда останется идеалом мужчины, она готова была простить все, то для матери никаких исключений не делалось.

Галина Волчек:
– Еще в эвакуации у родителей уже были плохие отношения – каждый из них жил своей жизнью, а для меня они сохраняли видимость семьи.

Говорит она и снова рассказывает о вещах, которых стыдится до сих пор.

– Когда к матери приходил любовник, я забиралась на дерево, чтобы через окно убедиться в своих подозрениях. Мне было противно, что с чужим человеком мама разговаривала не так, как с отцом: ласково и нежно. Она не знала, как ему угодить. В эти моменты подсматривания я страдала за отца и совсем не переживала за мать, когда узнала, что он встречался с другой женщиной.

Двусмысленность детского существования прекратилась, когда в 13 лет Вера Исаковна произнесла с привычными металлическими нотками:
– Ты должна выбрать, с кем оставаться жить: со мной или с отцом, – голос этой совсем не сентиментальной женщины в тот момент дрогнул, – мы развелись.

Галия поняла, что она страдает, хотя всячески скрывает это. И все же выбрала отца – свой мужской идеал на всю жизнь, который она так и не встретила. Вырвавшись из ежовых рукавиц воспитания, она глотнула свободу со всеми ее упорительными пороками. Оставила ненавистную школу и перешла в экстернат. Научилась курить. Она любит повторять, что, вырвавшись из-под материнской опеки, попробовала все.

– Все? – уточню я, рискуя поставить ее в неловкое положение.

– Абсолютно все, – отрезает она жестко, давая понять, что тема закрыта и что не следует рассчитывать на более открытого ответ. – В моем возрасте было бы смешно предаваться такому рода воспоминаниям – где я? когда? с кем и как была в первый раз. Это всегда очень фальшиво – не откровенность, а пошловатая игра в откровенность.

– Как, Каринтели не посмотрел в первый ряд? Ну мы ему устроим!

– Как, Каринтели не посмотрел в первый ряд? Ну мы ему устроим!